

Сатыбалды

Даутов

ШКОЛА ДЖАНГИРА

В 1851 году сразу восемь казахских юношей успешно окончили Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге. Кто же они? Арслангирей Букейханов, Султанмахмут Джантюрин, Зулкарнай Нуралиханов, Мухамеджан Бекмухамедов, Султан Шалабаев, Мухамедсалих Бабажанов, Мурзагали Сангрыков и Юсуп Ниязов. Четверым из них (Ниязов, Букейханов, Бекмухамедов, Бабажанов) еще до окончания учебы было присвоено звание младшего унтер-офицера.

К чему мы приводим подобные детали?

Если вспомнить, что на протяжении более семидесяти лет [существования Страны Советов. – Ред.] мы все утверждали (хотя порой и появлялись сомнения), что грамотность среди казахов в дореволюционный период составляла три процента, то факт окончания столь престижного учебного заведения России в один год целой группой казахской молодежи стоит если уж не удивления, то по крайней мере внимания. Факт этот примечателен еще и тем, что все названные люди были выпускниками школы Джангира*.

Да, школа Джангира! Того самого Джангира Букеева – хана, правившего в 1823–1845 годах Внутренней ордой на западе казахских земель.

На первый взгляд, кажется кощунственным, что имя человека, которого до сих пор представляли каким-то чудовищем, вдруг стоит рядом с таким высоким гуманным понятием, как школа, – будто режет слух. Ибо не каждый знает, что рядом с «шестидесятикомнатным дворцом о ста дверях в красных песках Нарына» (по словам поэта Байтока) хан лично заложил первый камень первой школы во всей казахской степи. Конечно, в этом незнании виноваты мы сами, потому что постоянно твердили лишь о «зверствах тирана» над подданными, умалчивая о его благородных стремлениях вывести свой народ из царившей духовной тьмы, невежества. Иначе зачем нам было отрешиваться всеми правдами и неправдами от такой крупной исторической личности, как Джангир, который, сам имея прекрасное европейское образование, владея несколькими иностранными языками, стремился возвысить народ до своего уровня и открыл школу, где обучение велось на казахском, русском, татарском, арабском языках? Допустим, мы раньше не могли говорить об этом, но ведь нынче другие времена. Почему бы сегодня не сказать правду о нем?!

Не подумайте, что это прихоть автора, – вдруг захотел и назвал школу именем Джангира. Этим именем она была освящена в первый же день своего открытия, причем по воле народа. На сей счет имеется и исторический документ, где говорится: «В последнее время, начиная с утверждения ханского достоинства Джангира Букеева, учение пошло гораздо быстрее и обширнее. Как по влиянию и содействию этого хана, так и по другим обстоятельствам, в Орде стали сознать потребность

* Статья была написана известным казахским поэтом, журналистом Сатыбалды Даутовым (1935–2004) в 1991 году, к 150-летию открытия ханом Джангиром первой школы для казахских детей. На русском языке публикуется впервые. – Прим. ред.

грамотности. Для поощрения учеников и обучающихся покойный хан не жалел ни денег, ни собственного старания и внушения ордынцам о пользе образования. В ставке своей он учредил школу, в которой обучалось до 60 человек правилам магометанской религии, русской грамоте и отчасти русскому языку. Школа эта существует все еще в ставке под названием Джангирской школы...» Автором этих слов является один из тех восьми выпускников Неплюевского кадетского корпуса, воспитанников школы Джангира, – член-сотрудник Русского географического общества Мухамедсалих Бабажанов (в народе его называли Салих; кюй композитора Даулеткерей «Смерть Салиха» посвящен именно его кончине). Эти строки взяты из труда «Заметки киргиза о киргизах», опубликованного в 1861 году в журнале «Северная пчела» в Санкт-Петербурге. Сколько бы мы ни пытались оставить в забвении имя Джангира, сделать этого нам не позволит сама история!

Впервые школа распахнула двери перед учащимися 6 декабря 1841 года. Она готовила ребят из казахской молодежи для поступления в Оренбургский кадетский корпус, а также в другие учебные заведения России. Открывая школу, Джангир прежде всего преследовал именно эти цели. Обратимся опять к свидетельству Бабажанова: «Мы воспитывались в Джангирской школе, которая как тогда, так и ныне считается вроде пригготовительного класса для кадетского корпуса. Однажды вечером нас вызвали к хану и предупредили, что он будет спрашивать о нашем желании поступления в корпус. У хана было пригготовлено для нас угощение сообразно с нашим возрастом. Он принял нас очень ласково и спрашивал о желании. Наперерыв один перед другим мы изъявили согласие и готовность. После этого хан раздал нам горстями мелких серебряных монет и отпустил. Это было зимою в начале 1845 года».

При жизни Джангира и даже в течение трех лет после его кончины нужды школы финансировались из казны хана, и лишь в 1848 году она была переведена под опеку министерства народного образования. Видимо, это и имел в виду Бабажанов, говоря, что «покойный хан не жалел ни денег, ни собственного старания». Разве недостаточно этих примеров для того, чтобы отойти от однобокого понятия о хане, застывшего в нашем сознании в облике «жестокого тирана»?!

Было бы ошибочно думать, что разрешение открыть школу во Внутренней орде царская администрация дала лишь для того, чтобы ублажить Джангира. Она преследовала далеко идущие цели: подготавливать из среды казахской молодежи чиновников, которые служили бы ей верой и правдой и помогали держать народ в повиновении, осуществлять царскую колониальную политику. Возможно, открывая школу в Букеевской орде, царская власть старалась ослабить или вовсе ограничить влияние татар на казахов. Если снова сослаться на Бабажанова, то в тот период в Орду стекалось немало татар, которым покровительствовала жена хана. По-видимому, это вызвало подозрение в том, что татары могут настроить казахов против русских, и по этой причине повысилось внимание царской администрации к Орде. Неслучайно Н. И. Ильминский, известный просветитель, исследователь культуры народов Востока, предлагал, чтобы в казахских школах было не татарско-магометанское, а казахско-русское направление*. И это могло быть причиной постоянного внимания царской администрации к школе в Орде. Справедливости ради надо сказать, что такое внимание способствовало укреплению учебной базы школы. Инспектор татарских, башкирских и казахских школ В. З. Катаринский, говоря о недостатке в школе учебников, учебных пособий, об использовании учениками трудов Ушинского, Паульсена, географической карты России и т. д., пишет: «Ученики старшего

* Тажибаев Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Казгосиздат, 1962. С. 26

отделения, прочуввшись 4 года, довольно хорошо читали статьи из книги Паульсена, передавали своими словами прочитанное, умели переводить их на киргизский язык и писали эти переводы буквами...»* Сначала в школе учились одни казахские дети. Знакомясь с учебным процессом, инспектор Катаринский советует учительнице Тенишевой в школу брать и русских детей, что способствовало бы языковому общению и быстрому овладению русским языком казахских детей.

Целых девять лет, до того как в 1850 году в Оренбурге при Пограничной комиссии была открыта вторая школа по подготовке переводчиков, письмоводителей из казахской молодежи, школа Джангира была единственным очагом образования в казахской степи. Со временем она из начальной школы выросла до уровня гимназии, а с 1868 года стала центром по оказанию методической помощи участковым школам, открывшимся в разные годы в Букеевской орде: в Новой Казанке, Таловке, Владимировке, Баскунчаке и других местах. В 1883–1891 годах количество подобных участковых школ, которые принадлежали министерству народного просвещения, в этом крае достигло восьми. Они являлись филиалами школы в Орде. В их числе была и женская школа, построенная в 1883 году, где учились известный государственный деятель Алма Уразбаева, первый инженер среди казахских девушек Мадина Бегалиева.

В школе Джангира была всесторонне продуманная система обучения. На одной из фотографий, попавшей в наши руки, изображены тринадцать учеников, сидящих за столом в два ряда (один из них, по-видимому, имел недостаток конечности, так как стоит опираясь на костыль), а посреди них – учитель. Фотография, снятая в 1879 году, когда школа была преобразована в городское училище, свидетельствует о том, что уже в тот период наряду с основными предметами преподавались уроки по трудовому обучению. Разве это не то же самое, что нынче в наших школах называется профессиональной ориентацией учащихся?!

Школа в Урде**, стоявшая у истоков просветительского дела в Казахстане, после Октябрьской революции стала учебной базой для Букеевского просветительского института, организованного в Урде с целью подготовки учительских кадров для республики. Здесь нашлись и опытные наставники. Позже на основе этого института открылись педтехникумы и подкурсы.

Престиж школы Джангира высок не только историей длиною в полтора века, но и ее воспитанниками. Среди многих поколений ее выпускников не было недостатка в ярких личностях. Мы уже коснулись жизни и деятельности Мухамедсалиха Бабажанова, которого исследователи называют последователем Чокана Валиханова.

Заметный след в истории оставил Мухамеджан (Макаш) Бекмухамедов, учившийся в одной группе с Бабажановым. Он активно участвовал в государственных делах и занимался литературой, искусством. В 1908 году в свет вышли отдельной книгой его собственные произведения под названием «Хорошая агитация» – сборник был издан типографией Каримовых в Казани. В 1910 году в Астрахани увидела свет «Книга о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии», где есть о Бекмухамедове такие строки: «Он написал несколько исторических и бытовых очерков о киргизах, повестей, рассказов, анекдотов, хранящихся в рукописях. Умер в 1904 году 74 лет от роду».

Окончивший петербургский кадетский корпус Губайдолла Жангиров в свое время был одним из видных военных деятелей царской России. В 1877–1878 годах он участвовал в русско-турецкой войне, в 1878 году ему было присвоено звание

* ЦГИАЛ, ф. 733, описание 170, дело 156893.

** Село, до Октябрьской революции называвшееся Ханской Ставкой, носило название Урда до 2006 года, ныне – Хан Ордасы. – Прим. ред.

генерал-майора, в 1888 году – генерал-лейтенанта, а в 1894 году он становится генералом инфантерии. По высочайшему велению царя Александра II Губайдолла Жангиров руководил департаментом телеграфа.

Воспитанниками этой школы были также Бактыгерей Кулманов, который окончил полный курс факультета восточных языков Петербургского университета, Салимгерей Жантюрин, окончивший факультет математики того же университета, братья Батыркайыр и Абдилькарим Ниязовы, окончившие в 1896 году юридический факультет, юрист Салимгерей Нуралыханов, получивший высшее образование в Тартуском университете. Известно, что в этой школе учились и первые наши врачи Мажит Чумбалов и Махмут Шолтыров, еще задолго до Октябрьской революции окончившие медицинский факультет Казанского университета, Батыргали Жусупгалиев, окончивший медицинский факультет Саратовского университета.

Невозможно перечислить всех воспитанников школы, награждая каждого эпитетом «самый первый». Но однако нельзя не назвать имена первых наших генералов, ставших гордостью народа, Рамазана Курмангалиева и Шакира Жексенбаева; Героев Советского Союза Темира Масина, Ахмедияра Кусаинова; академиков Асана Тайманова, Фазиля Мухамбеткалиева, Ердена Азербайева, Гакаша Бияшева, достигших вершин в науке; маститых поэтов Шангерия Букеева, Таира Жарокова, чьи способности оттачивались именно в этой школе.

Заслуживают упоминания наставники и учителя: Ольдекоп, Аминов, Никифоров, Кочуров и другие. Некоторые выпускники школ возвращались в родные стены учителями. Это, в частности, Нугман Залиев, Ахметфаиз Тажетдинов, автор многих учебников и словарей Гали Бегалиев. Не лишним будет вспомнить видного государственного деятеля республики Сейткали Медешева, когда-то преподававшего в Урдинской школе. С благодарностью вспоминает автор этих строк своих наставников, людей широкого кругозора, с доброй душой, – заслуженного учителя Республики Казахстан, кавалера трех орденов Гумара Зарипова, Гали Ойханова, Хабира Абсалямова, Мухтара Ажгулова, Марзию Тайжумиеву, Улпан Айтмухамбетову, братьев Жумагула и Оразбая Дильмашовых, у которых посчастливилось учиться в послевоенные годы.

Школа в Урде, полтора века дававшая знания не одному поколению людей, и ныне является одним из достойных очагов просвещения и образования, где 70 преподавателей обучают более 600 детей. С далеких 30-х годов она носит имя одного из корифеев русской литературы Максима Горького*. С приближением знаменательной юбилейной даты школы** в периодической печати хоть и не часто, но звучат предложения-пожелания о том, чтобы дать ей имя Джангира. Мы тоже за это предложение. Поддерживая, хотим сказать немного иначе. Уже говорилось в начале статьи о том, что в прошлом школа называлась именем Джангира и имя это было ей дано с согласия народа. Школе надо вернуть ее настоящее имя после столь долгого забвения. Думается, что проблему следует ставить именно с этих позиций. Только в таком случае и восторжествует историческая правда.

* Со времени провозглашения независимости Казахстана в 1991 году школа именовалась Урдинской – по названию села. – *Прим. ред.*

** Статья была написана к 150-летию школы, а спустя восемь лет, 9 декабря 1999 года школе вернули историческое имя Жангир-хана. В 2021 году это учебное заведение отметило свое 180-летие. – *Прим. ред.*

